

Анна Лукс

Чье сердце не болит

СЕРИЯ «ИДУЩИЕ В ВЕЧНОСТЬ»

Миссия «Надежда Спасения»
Флорида

МСМ
Санкт-Петербург
2015

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора. 7

Часть первая

ВНИКАЙ В СЕБЯ

Глава первая	11
Глава вторая	16
Глава третья.	23
Глава четвертая	30
Глава пятая	38
Глава шестая	49
Глава седьмая.	58
Глава восьмая.	68
Глава девятая	80
Глава десятая	90
Глава одиннадцатая	104
Глава двенадцатая	114
Глава тринадцатая.	125
Глава четырнадцатая	134
Глава пятнадцатая.	145

Часть вторая

СЕРДЦА ВЗВЕШИВАЕТ ГОСПОДЬ

Глава первая	157
Глава вторая	167

Глава третья.	176
Глава четвертая	183
Глава пятая	191
Глава шестая	199
Глава седьмая.	211
Глава восьмая.	221
Глава девятая	232
Глава десятая	242
Глава одиннадцатая.	251
<i>Эпилог</i>	258
<i>Молитва</i>	263
<i>Послесловие ко всем, идущим в вечность</i>	265
<i>Письмо от Небесного Отца</i>	267

От автора

Кто это — идущие в вечность? Это ты, читатель, взявший эту книгу для прочтения, и я, размышляющая в ней о тех, кого хорошо знала и знаю до сих пор.

Идущие в вечность — это те, которых мы видим каждый день, и те, которых никогда не увидим в своей жизни. Каждый рожденный на этой земле человек уже с первого вдоха начинает свой путь в вечность. О, как важно это понимать и помнить! Почему?

Потому что все мы идем на самую главную Встречу своей жизни — Встречу с Создавшим нас Господом и Творцом всего сущего. И эта Встреча не за горами!

С тех пор как Спаситель Иисус Христос остановил меня на широком гибельном пути по Своей великой милости, я не перестаю напоминать себе, что все то, что составляет мою жизнь, все, что я мыслю, говорю и делаю, до малой йоты записывается в Книге Праведного. Мне, дорогой читатель, предстоит предстать перед Богом. Это неоспоримо!

Но должна сказать, что неоспоримо и то, что ты тоже увидишь Лицо Бога Живого. Есть над чем подумать? Несомненно!

И я молюсь, чтобы эта книга стала благословением для каждого читателя и принесла ему много духовной пользы.

Слава Тому, Кто все еще продлевает лето благоприятное для каждого из нас, земных пришельцев, желая приготовить Себе народ особенный, ревностный к добрым делам во Христе Иисусе.

Слава Тебе, Всевышний Господь, Бог Вечности, Сердцеведец и Блюститель душ наших: Отец и Сын, и Дух Святой!

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ВНИКАЙ В СЕБЯ

*«Не бойтесь того, что ваша жизнь должна закончиться,
бойтесь того, что она так и не начнется».*

Джон Ньюмен

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Рабочий день подходил к концу, и Виктор поглядывал на часы: к пяти его вызывал главный инженер завода. По какому вопросу, Виктор и представления не имел. Подойдя к кабинету, он постучался и открыл дверь.

— По какому делу, товарищ? — спросила его миловидная секретарша, бросив на него беглый взгляд.

— Моя фамилия Игнатов. Меня вызвали, но я не знаю причины.

— Ах, да! Но встреча отменяется. Станислав Петрович уехал в обком, — почему-то радостно сообщила девушка и добавила: — Вопросы будут? — И сама же ответила: — Вопросы нет! До свидания!

Виктор пожал плечами и закрыл дверь. Его всяческие предположения по поводу вызова к главному инженеру сразу отступили, и на смену пришли другие мысли. Ему не хотелось идти домой, жена работала во вторую смену, а дочь была у бабушки.

Виктор вышел с территории завода и направился в сторону парка — в противоположную от дома сторону. Стояли теплые осенние дни. Это была самая прекрасная пора осени, в простонародье — бабье лето. Виктору нравилось бродить по золотисто-багряному шуршащему ковру опавших листьев, устлавшему аллеи городского парка.

Вечер был тихий и теплый. Виктор медленно шел по центральной широкой аллее и смотрел себе под ноги. Скамейки, расположенные через каждые десять метров, были пу-

сты. Все говорило о том, что это был обычный рабочий день среди недели, когда люди после работы торопятся домой, к своим семьям.

Подул легкий ветерок. И листья, уже умирающие и едва держащиеся на ветвях, схваченные налетевшим ветерком, нехотя приземлялись под ноги Виктору. Один лист опустился на подставленную Виктором ладонь. Он остановился и стал рассматривать все еще зеленые прожилки, бегущие по красной листовой основе. Это был кленовый лист, резной, с точными пропорциями — настоящее произведение искусства.

— Неужто это ты, Виктор?! — вдруг раздался удивленный мужской возглас.

Виктор обернулся. Размашистым шагом к нему торопливо приближался друг его молодости и однокурсник по техникуму Иван Заболотный.

— Иван! Какими судьбами? Ты ведь уезжал из города, кажется? Мы с тобой лет десять не виделись, так ведь? Дай я посмотрю на тебя. Какой ты крепкий стал! — Виктор радостно тормозил товарища и широко улыбался.

— Да уж, время бежит... А я смотрю — стоит одинокий человек и что-то разглядывает на ладони. Что там у тебя?

Виктор засмеялся и разжал ладонь.

— Одинокий, говоришь! Да нет, я женат. У меня дочь растет. А это просто кленовый лист. Простой, но какой красивый, полный совершенства. Природа — талантливейший и чудесный творец.

— Я рад за тебя, друг! Семья — это хорошо! Но в остальном ты ошибаешься: природа не может себя творить сама. Во вселенной существует Истинный Творец — Бог Всемогущий. Это Он вложил во все, что мы, люди, видим, частицу Своего совершенства.

Виктор запрокинул голову вверх и залился веселым смехом. Он смеялся так беззлобно и искренне, что Иван тоже

улыбнулся, но уже через мгновение, положив руку на его плечо, спокойно возразил его смеху:

— Что тебя так развеселило? Или ты впервые услышал эту чистую правду о Создателе всего видимого и невидимого?

— Иван, Иван! Да ты что? Ты куда ездил? Из какого мрачного средневековья привез ты эту «чистую правду»? Насмешил ты меня, давно я так не смеялся. Ну, и чудак ты!

— Виктор, не спеши. Я теперь живу в Царстве Света и несу этот свет в царство тьмы. Я тоже прошел через подобные твоим возмущения и понял, что заблуждался в своих умозаключениях. Но теперь имею ум ясный, ум Христов. У тебя есть время? Может, посидим? Есть, чем поделиться!

— А что, посидим! Времени у меня хоть отбавляй, и настроение пообщаться есть. Давно ты в городе? Чем занимаешься? Женат?

— Нет, не успел. В город вернулся месяцев семь назад. Работаю в электросетях и служу в церкви Христовой. Замечательная церковь у нас. Много молодежи. Приглашаю тебя к нам на служение.

— Ха! В церковь, что ли? — насмешливо переспросил Виктор. — Знаешь, это совсем не серьезно, Иван! Давай поговорим как мужчины, как друзья. Ты что, еще не встретил свою единственную?

Иван светло улыбнулся, не обратив внимания на насмешку бывшего друга, и мечтательно ответил на второй его вопрос.

— Это ты хорошо сказал — единственную! Так и должно быть у каждого человека. Одно-единственного спутника жизни дает нам Господь, Виктор. Вот поэтому я и не занимаюсь вычислением, где она? Кто она? Какая она? Знаю, уверен, что давно приготовлена для меня моя помощница. И уже люблю ее. Осталось только дождаться, когда Господь откроет мне ее имя.

Виктор слушал Ивана, и его глаза все более округлялись. «Какую чушь метешь! Да, плохи твои дела, дружище!» — мысленно ответил он Ивану, а вслух произнес:

— Любишь, говоришь? Ту единственную, которую Бог приготовил? Без лица, без имени, без родства? Как говорится, пойдя туда — не знаю, куда, принеси то, не знаю, что. И сколько ждать-то еще будешь, когда тебе с неба ее имя назовут?

И довольный своими словами, Виктор громко и заливисто расхохотался. Иван спокойно переждал его гогочущий выпад и процитировал стих 18 из второй главы Бытия: *«И сказал Господь Бог: не хорошо быть человеку одному; сотворим ему помощника, соответственного ему»*. Так говорит Слово Божие, другими словами — Сам Бог! Ты веселый, Виктор, парень! Самодовольный! И потому трудно тебе принять другое мнение, даже если оно исходит от Самого Бога Творца. Я тоже прошел через подобное неверие и сомнения. Но теперь не так: Божье Слово — непоколебимо верно! И оно исполняется в точности! Лично я это уже пережил.

— Ну, ну, поживем, увидим! — сразу изменил тон Виктор, задетый оценкой Ивана своей персоны. — Не получится, видно, у нас с тобой обоюдно согласной беседы, ты все в сторону с прямого пути сбиваешься.

Виктор поднялся и протянул было руку для прощального пожатия, но передумал и опустил ее.

— Жаль! Как все-таки правильно кто-то сказал, что время меняет людей. Вот и тебя...

— «Время меняет лица, а Господь — сердца!» Это верно и проверено! Именно Господь изменил мое сердце, Виктор! И как бы я был рад, чтобы с тобой произошло такое же чудесное изменение. Не жалею меня, друг! Я в хороших руках — Божьих!

Иван поднялся и, добродушно улыбнувшись, протянул Виктору руку.

— Верю, что мы с тобой не зря встретились — случайностей не бывает. Бог создает обстоятельства и надзирает над путями человеческими. Будь здоров, Виктор!

— Буду! Не сомневайся! Тебе в какую сторону? Ага! А мне туда.

Виктор указал рукой в противоположном направлении и не оглядываясь быстро зашагал прочь от Ивана.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Николай Котов вернулся домой из родильного дома только под утро: с первыми лучами рассвета он стал отцом. Их первенца — девочку акушерка показала Николаю и сообщила, что роды, хоть и были трудными, закончились благополучно и для рожденной и для мамы. Приятная улыбка легла на лицо акушерки:

— Все хорошо! Теперь молодой мамочке нужен отдых, а вы, папаша, можете идти домой и готовиться к встрече нового члена вашей семьи. Цветы и все остальное принесите к вечеру, когда ваши дамы уже немного окрепнут.

Николай поблагодарил акушерку и попросил передать жене только два слова «спасибо за дочку». Он шел по тротуару к своему дому и прислушивался к внутренним ощущениям, пытаясь понять, какие чувства появились в нем с получением им нового звания «отец». Но так и не разобравшись, переключился на другие мысли.

Перед его взором всплыла первая встреча с Олей, девушкой, которая стала его женой. Эта встреча произошла как-то неожиданно для него самого и завершилась созданием семьи.

Вернувшись из армии, Николай опять окунулся в домашний уют: родители его слыли выпивохами, и, конечно, дома часто случались пьяные ссоры, что вызывало у парня отвращение и гнало его из дома на улицу. Однажды, бесцельно бродя по городу, он остановился возле красивого белоснежного здания с голубыми воротами. Это

оказался Дом молитвы христиан-баптистов. Вечер был будний, и Николай удивился, увидев ворота открытыми и услышав тихое мелодичное пение, доносившееся из приоткрытых окон здания. Недолго думая, он решил войти: не все ли равно, где коротать время! Войдя, он остановился на пороге и осмотрелся. Зал был довольно вместительный, почти полностью заполненный людьми. Николай отметил, что в зале женщин больше, чем мужчин. Обратил внимание на то, что немало здесь и молодых девушек и парней. Увидев на последней скамейке свободные места, присел и, убедившись, что никто, впрочем, не обращает на него внимания, прислушался к пению. Мелодия ему сразу понравилась: она так мягко касалась его возбужденной души и умиротворяла ее.

После своего первого, случайного посещения Дома молитвы Николай стал приходить все чаще и чаще в это милое и тихое место. Внимая проповедям, он понял, что грех поразил каждого человека, и что только искреннее покаяние освободит и его самого от прошлых грехов и даст силы для будущей чистой жизни.

Спустя месяцев семь Николай покался, прошел подготовку к водному крещению и стал членом поместной церкви.

Николаю нравились молодежные служения в церкви. Нравилось вместе с группой братьев и сестер отправляться в парк и свидетельствовать отдыхающим там или просто прохожим о Божьем Сыне — Спасителе Иисусе Христе.

Но особенным для Николая служением стало посещение мужской колонии для осужденных несовершеннолетних. К этим мальчишкам, получившим разные сроки заключения, Николай испытывал истинное сострадание. Много здесь было ребят, осужденных за бродяжничество. Некоторые доверчиво льнули к нему, делясь рассказами из своего прошлого. Николай, сам выросший в семье пью-

щих родителей, понимал их, бежавших из дома, куда глаза глядят, лишь бы не видеть пьяные склоки своих родителей. Были здесь осужденные за воровство, драки и даже убийство. Подстриженные налысо, одетые в одинаковую темную форму, грубые и драчливые, эти мальчишки выглядели одной серой безликой толпой. Но в отдельности каждый из ребят был, по сути, одиноким и незащищенным ребенком, отвечающим на всякое грубое слово или окрик недетским хищническим оскалом.

Начальство колонии разрешило группе христианской молодежи из двух-трех человек проводить здесь, выражаясь библейским языком, служение веры и труд любви для этих, лишивших себя настоящего детства (по разным причинам) и обозленных на весь мир ребят. Получив добро, Николай стал посещать колонию два раза в месяц. Каждый раз к нему присоединялись еще двое либо сестер, либо братьев, свободных от прочих дел в нужное для посещения время.

Однажды, в очередной раз собираясь в колонию, Николай оказался в одиночестве: два брата не вернулись из поездки в пригородное село, где они проводили евангелизацию. С ним вызвались пойти две сестры, Оля и Наташа. Наташа хорошо играла на гитаре, а Оля читала стихи.

Служение в колонии прошло очень хорошо: ребята слушали христианские гимны и сами пели, имея на руках распечатанный текст песен. После короткой проповеди Николая три паренька вышли вперед и склонили колени в покаянии. Это была настоящая радость для девушек и Николая. Домой возвращались пешком: так много было светлых и добрых эмоций от проведенного в колонии служения, что хотелось поделиться ими друг с другом.

После этого Ольга еще несколько раз ходила в колонию с Николаем. Она стала замечать, что он уделяет ей все больше внимания, и, вскоре почувствовав, что между ними назревает что-то очень серьезное, решила прекратить со-

вместное служение с Николаем. Но через три месяца Николай сделал ей предложение, и Ольга дала согласие стать его невестой.

— Никола! Привет! — Задорный бас прозвучал над самым ухом Николая. Он обернулся и увидел Олега, парня с которым работал в одной бригаде по ремонту квартир. Олег был любителем выпить, и Николай сразу заметил в его руках аккуратно завернутую в плотную бумагу бутылку. — Ты откуда и куда?

— Я-то? — Николай улыбнулся и весело ответил: — У меня событие! Я полчаса назад стал отцом, понимаешь, дочка у меня родилась!

— Ба-а! И как я вовремя! Или ты вовремя? Вот видишь, есть солидная причина приступить к принятию! — Олег потряс над головой свой сверток. — Идем к тебе, ты ведь где-то здесь рядом живешь?! Обмоем твою дочку!

— Нет, Олег, ты же знаешь, я не пью — не положено мне!

— А кто говорит, чтобы ты пил? Не хочешь — не надо! Я твою дочку и сам могу обмыть. Домой-топустишь?

Николай пожал плечами. Олег довольно расхохотался и, панибратски взяв Николая под руку, бойко зашагал рядом.

Войдя в дом, Николай прошел на кухню и, открыв холодильник, спросил Олега:

— Тебе холодную закуску или?.. Тут Ольга борща сварила и котлет нажарила, как чувствовала, что один буду хозяйничать.

— Все, что не жалко, — неси! Дочку-то твою обмывать будем!

Олег самодовольно опустил на стоящий у стола стул, и заметив вопросительный взгляд Николая, поспешил исправиться:

— Понял, понял, тебе не положено! Но хоть со мной посидишь для приличия. А котлетный дух хорош! Молодец твоя женушка, как знала, что я в гости загляну.

Николай поставил на стол чайную кружку и пояснил:

— У нас рюмки не водятся, так что не обессудь. Мы же чай только и...

— Брось, Николай, объясняться, какая разница из чего пить, лишь бы хорошо пошло! Ну ты хоть вид сделай, поставь еще одну чайную посудину. Я только плесну тебе на один глоточек. Честно говорю!

Николай не стал спорить. Всю ночь он провел в роддоме в ожидании рождения их с Ольгой первенца, а теперь хотел только одного: скорее бы Олег ушел, и он смог бы чуток поспать. Поэтому молча достал еще одну кружку и поставил на стол. Олег довольно щелкнул языком и разлил водку по кружкам.

— Итак, пьем за дочку! А как вы ее назвали? Имя-то ее как?

— Мы еще точно не решили, а вообще-то думали мальчика назвать Марком, в девочку — Лизонькой. Елизавета — красиво, да?

— Все, пьем за Елизавету Николаевну!

Олег опрокинул содержимое кружки в рот, резко выдохнул и, взяв котлету, с шумом втянул чесночно-мясной запах.

— Хороша, родимая! Будет у твоей дочки жизнь долгая и счастливая. Ну, а ты-то что и не пригубил? А еще отец называется. Пьем-то за кого? За Елизавету Николаевну! Слышь?!

— Я же сказал, что пить не буду: верующий я! Слово Богу давал! Ты вот лучше борщ поешь. А мне поспать бы часок-другой и к Ольге — в роддом.

— Ты что, меня выгоняешь? — наливая второй раз себе и подливая Николаю, беззлобно обронил Олег. — Дак мы только начали! Напиток этот не оставляют — выдохнуть-ся может! А ты все же подними — подними кружечку. Там на дне-то, и все дела!

Олег выпил вторую и, отправив в рот котлету, стал выразительно ее пережевывать.

— Пищу нужно хорошо измельчать при помощи зубов и только потом, хорошо смочив слюной, проглатывать. Это совет гастроэнтеролога. Врач такой есть, слышал? А ты уже пригубил?

Николай вздохнул и, отодвинув кружку с водкой в сторону, устало посмотрел на развеселившегося гостя.

— Оставь, Олег. Я, правда, устал. Да и тебе хватит. Ешь лучше.

— А я предлагаю тост за маму Елизаветы Николаевны. — Не обращая внимания на увещания Николая, Олег снова разлил водку по кружкам. — Кажется ее Ольгой зовут? Да у тебя одни королевы в доме: Ольга и Елизавета. Я недавно книжку про королеву Греции читал — Ольгу. Русской она была, дочь князя великого Константина Романова. Умная была, я тебе дам! Так ее греки называли «королевой всех эллинов». Но она уже умерла. А вот Елизавета царствует себе в Англии, хоть и старушка уже... Ну их, чужих! Пьем за наших королев: Ольгу и Елизавету Котовых. Красиво звучит! Коля, бокал!

Николай взял протянутую кружку и, не отдавая отчета тому, что делает, одним махом выпил водку. Поставив на стол опустошенную кружку, он в растерянности посмотрел на Олега и, увидев его округлившееся от удивления глаза, опустил голову.

— Я понимаю, Коля, трудно переступить запретную полосу, но потом — легко, ах как легко! — Ставя на стол пустую кружку, Олег сделал сострадательное лицо. — Соболезную, но и хвалю. Молодец!

— Все, Олег! Я пошел спать. А ты как хочешь.

— А я что? Я тоже пошел. Спи, отдыхай! Не переживай, все нормалек! Я на тебя не в обиде. Пока, Колян! Королевам от меня привет!

Олег сделал неуклюжий реверанс, криво улыбнулся и выскользнул за дверь.

Оставшись один, Николай еще некоторое время сидел неподвижно, тупо уставившись на полупустую бутылку водки. Его мысли были рассеяны, и он никак не мог сосредоточиться на чем-то конкретном. Тряхнув головой и зажмурив глаза, он вдруг ощутил пугающую пустоту внутри себя.

«Я выпил. Я это сделал. Почему я сделал это? Почему это случилось? Так хорошо начался день! У меня родилась дочь. А я еще даже не поблагодарил Госпо...»

При воспоминании имени Бога Николай вздрогнул, и ему стало жутко. Он видел все! Вот почему так скверно и пусто на душе. Вот почему померк внутренних свет и улетучилась радость.

Николай взял бутылку и подошел к раковине с намерением выплеснуть в нее остатки водки. Открыв пробку, он наклонил бутылку, но рука (будто кто-то ее задержал) застыла в воздухе, и он услышал неприятный жесткий шепоток: «Она тебе еще сгодится. Спрячь лучше...» Николай резко обернулся. Кухня была пуста.

«Бред какой-то. Что это со мной? Нет уж, не сгодится мне это зелье, и прятать я ничего не буду. Фу, да что это я отвечаю на глупость какую-то. Помрачнел что ли разум — ведь выпил-то несколько глотков».

Николай решительно опрокинул бутылку вниз горлышком: водка, звонко булькнув, вырвалась наружу. Но через мгновение он резко вывернул бутылку вверх и лихорадочно завинтил пробку. Потом вышел через гараж в сад, прошел к поленнице дров и засунул бутылку во второй ряд между поленьями.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

С утра на улице накрапывал дождь, но ближе к обеду выглянуло солнышко. И сразу все вокруг засияло. Уже поредевшие листья кленов, что росли в палисаднике дома Степана и Светланы Кругловых, просохшие на легком ветру, заискрились под лучами солнца багровыми огоньками. Запели птицы, рассевшись кто на заборе, кто на ветвях деревьев, кто на проводах. Светлана выглянула в окно и улыбнулась: как мало нужно природе — всего лишь теплое солнышко, чтобы вновь засветилась и зазвучала жизнь. Хоть и положено природе по осени замереть до следующей новой весны, не спешит она уходить на зимнюю спячку, а все еще отвоевывает для радости всего творения последние солнечные денечки.

— Ну вот, как все хорошо, закончила стирку, а теперь и ветерок, и солнышко Отец послал для просушки. Спасибо, Господи!

Светлана, оставаясь одна, любила произносить свои мысли вслух. Чаще всего они были направлены к Господу. Ей нравилось разговаривать с Иисусом с того первого дня, когда она обрела мир с Господом через покаяние в Доме молитвы.

Когда пресвитер, радостно приветствуя ее, как новообращенную сестру, пожелал ей «всегда радоваться и непрестанно молиться», она сразу приняла это сердцем. Господь вошел в ее жизнь — она это ощутила сразу после покаяния, хотя и не могла объяснить словами это прекрасное чувство

внутреннего умиления. С каждым днем росло ее желание больше знать о Господе, и она при любой возможности обращалась к Библии, молилась, приступая к чтению, прося своего любимого Учителя открывать ей непонятное в Писании.

Все, что она уже узнала о Божьем Сыне, волновало ее до восторга. Она чувствовала, что нельзя носить в себе самой эти небесные истины и наслаждаться ими в одиночестве, поэтому искала и находила повод рассказать о них каждому собеседнику.

Развешивая белье во дворе, Светлана напевала мелодию своего любимого христианского гимна. Когда она впервые услышала его, не смогла сдержать слез, так тронул ее душу песенный текст, повествующий о Господе Иисусе. И каждый раз, когда она начинала петь его снова, глаза застилала слеза радости от того, что этот прекрасный Учитель любит и ее так же сильно, как любил библейских Марию Магдалину, и Никодима, и мытаря. Он простил их грехи, дарил добро и утешение. И, конечно же, теперь также нежен и ласков с ней, Светланой, потому что Он вечный и неизменный Бог.

*Учитель, свой путь пройти должна я так,
как это сделал Ты.*

*Учитель, вокруг есть люди, и должна я их любить,
как Ты.*

*Учитель, ведь нелегко нести чужое бремя так,
как Ты.*

*Учитель, я все смогу, но только будь всегда
со мною Ты.*

С выразительной сердечностью Светлана пела припев, в котором отражалось ее глубокое желание следовать по следам Христа и иметь такие же чувства к людям, какие были у ее Учителя.

Развесив белье, она прошла в сарай выпустить кур погреться на солнышке и покопаться в мокрой огородной земле. Когда куры с веселым кудахтаньем вырвались на свободу и рассыпались по огороду, она услышала тихое всхлипывание, доносившееся из соседнего двора, где жила семья Нильских.

Выглянув за забор, Светлана увидела сидевшую на лавочке Тоню. Уткнувшись в колени лицом, женщина плакала. Светлана стукнула ладошкой по штакетине, желая привлечь ее внимание. Тоня подняла заплаканное лицо и, увидев Светлану, отерла слезы, но уже следующие вновь побежали по ее щекам. Светлана ей сочувственно улыбнулась.

— Тонь, можно я пройду к тебе? Вдвоем лучше, чем одному нести боль. А у меня как раз есть время это сделать.

Теперь улыбнулась Тоня. Она согласно кивнула Светлане.

Отодвинув две штакетины, Света нырнула в отверстие в заборе и села рядом с Тоней, нежно коснувшись ее влажной руки.

— Трудно быть женщиной, Тоня. А счастливой женщиной еще труднее. Просто невозможно... без Иисуса. Это я уж наверняка знаю. Не можем мы быть ни мудрыми, ни смиренными, ни любящими так, как определил нам наш Творец.

Тоня вздохнула, убрала руку и отодвинулась от Светланы. Но потом, словно одумавшись, придвинулась к ней и тихо сказала:

— Хорошо, я не мудрая, не смиренная, не счастливая. Без Иисуса живу. А ты-то всегда счастлива? Разве я без глаз, не вижу, не слышу, как твой с тобой разговаривает, смурным ходит. Да и домой не спешит после работы-то. Вижу, соседка!

— Я не спорю, да и скрывать не собираюсь. Только, Тоня, разные мы с мужем стали. По духу разные. Господь вошел в мою жизнь, возродил мой дух, а Степан все еще в мертвых ходит. Не может он понять меня, мою любовь к церкви, к Богу. Но от этого счастье мое не стало меньше, хотя скорблю о его душе сильно. Но и верить не перестану, что спасет и его Господь.

— Как это «в мертвых ходит»? Ты что такое говоришь о муже?

— Библия так говорит о всех людях-грешниках: погибшие они в глазах Бога, Тоня. Вот и пришел Сын Божий к нам, бедным...

— А ты, значит, живая? И не бедная уже? — В голосе Тони послышались нотки раздражения. — Счастья твоего я не понимаю.

— Конечно, не понимаешь. Это и понять невозможно, не родившись от Духа Святого. Но лучшего я и не знала. Да и нет больше ничего лучшего, как только знать Иисуса и учиться у Него. Сердцем учиться любви и смирению. Он, Антонина, — Свет великий. Не уклоняйся от этого Света, если хочешь видеть верно!

— Вот, ты советы даешь, а не знаешь ведь, как жить со свекровью. Все ей не так и не эдак. Нильского (Тоня назвала мужа по фамилии) против меня настраивает: это из-за нее стал он таким скрягой. И нет такого Иисуса, который бы ее переделать смог. Знаешь, она меня назвала «ненасытной свиньей» только за то, что я Володьке сказала, что мне нужны туфли.

Светлана с сожалением посмотрела на Тонию, по лицу которой разлилась краска гнева. Немного помолчав, она ответила:

— Тоня, почему ты так реагируешь на то, что не является правдой? Ты человек, а не свинья. Тот, кто прибегает к таким выражениям, сам себя не уважает. На явную ложь

ты отреагировала обидой, гневом. И такая твоя реакция прежде всего вредит тебе самой. Ты, по сути, включилась в цепочку зла. Ну скажи, разве у тебя не возникло мысленно множество других непристойных сравнений в адрес свекрови?

— Было, что уж говорить! — Тоня разочарованно покачала головой. — А что, я должна была ее поцеловать за это? Так что ли?

— Я не сказала этого, Тоня. Я сейчас хочу помочь тебе увидеть себя со стороны. Грех свекрови достиг цели: ты откликнулась на него и совершила тоже подобный. Вот тут-то открывается неспособность человека ответить на зло добром. И без Иисуса это невозможно, нет у нас для этого силы. А источником силы является любовь и смирение. Иисус это знает, поэтому зовет нас прийти к Нему и научиться у Него. Я вот учусь уже три года и скажу тебе, что сила не в гордости или мести, а в способности смирить себя и победить обиду. Христианство — это любовь, побеждающая зло посредством глубокого смирения. Это и есть счастье. Истинное счастье, Тоня.

— Красиво говоришь, соседка! Если бы все было так просто! А в жизни далеко не так. Смирись я, как ты говоришь, глубоко, дак об меня ноги вытрет распрекрасная Вовочкина мама.

— Ты когда-нибудь пробовала аннону чешуйчатую?

— Это что еще такое? — удивилась Тоня. — При чем тут аннона, как ее, чешуйчатая?

— Это очень редкий тропический фрукт. Другое его название сахарное яблоко.

— Нет, не ела, и даже никогда не слышала о таком фрукте.

— Не ела! Значит, не можешь описать его вкус! А я ела. Этот фрукт похож на сосновую шишку, а его вкус напоминает легкий заварной крем. Точно так же дело обстоит

и со смирением. Пока не попробуешь его, не узнаешь его вкуса. Иисус не учит тому, что не работает в нашей жизни. Он Сам сначала это испытал, а потом предложил нам. Так что можно и нужно Ему верить, Тоня!

Тоня поднялась со скамейки и, смотря сверху вниз на Светлану, задумчиво произнесла:

— Так с чего же мне начать, чтобы это заработало в моей жизни? Скажи, если знаешь, Света.

— Не с чего, а с кого. С себя, Тоня. Только с себя! Тебе нужно признать, что без Иисуса Господа ты просто полный банкрот во всех сферах своей жизни. Скажи Ему об этом. Открой Христу свое беспокойное и гордое сердце. Он знает, как его исцелить.

— Да я и не знаю, как это... открыть. Ничего у меня не получится. Как можно говорить с тем, кого не видишь. В пустоту?

— А это не твоя забота, тебе совсем не нужно видеть Его. Главное, Он видит тебя. Господь обещает слушать того, кто обращается к Нему искренне. Он здесь и сейчас, Тоня. Он всюду — потому что Он Бог вездесущий! Поверь в это и проверишь...

Тоня повернулась и пошла прочь от Светланы. Плечи ее были опущены, и руки безвольно свисали вдоль тела. Светлана провожала ее взглядом, в котором светилась надежда. И тихо молилась за нее.

Вернувшись домой, Светлана взяла Библию и, открыв Книгу псалмов, принялась читать вслух один из своих любимых стихов.

«Благослови, душа моя, Господа, и вся внутренность моя — святое имя Его. Благослови, душа моя, Господа и не забывай всех благодеяний Его. Он прощает все беззакония твои, исцеляет все недуги твои; избавляет от могилы жизнь твою, венчает тебя милостью и ще-

дротами; насыщает благами желание твое: обновляется, подобно орлу, юность твоя. Господь творит правду и суд всем обиженным»¹.

Остановившись на этом месте, Светлана посмотрела в окно, из которого хорошо был виден двор Нильских. Из нередких бесед с Тоней, она знала, что в этой семье давно нарушен мир, и обида, как непрошенный и неприятный гость, то и дело врывается в сердца обитателей их дома.

«Господи, сотвори Свою правду и яви Свой суд всем обиженным в этой семье. Да водворится в их доме Твой мир!»

¹ Пс. 102:1–6.